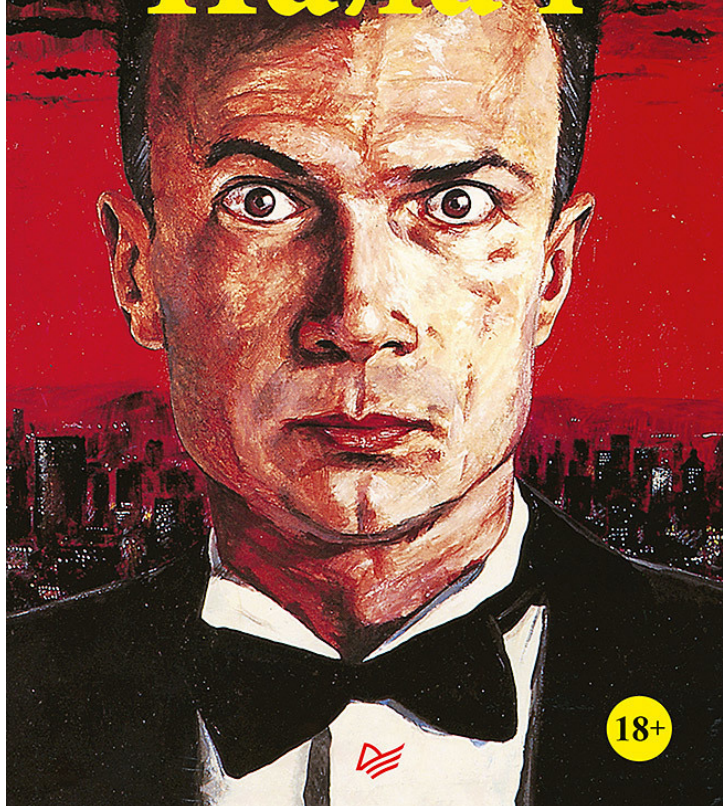


ЭДУАРД ЛИМОНОВ

Палач



18+



Эдуард Вениаминович Лимонов

Палач

Серия «Публицистический роман»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39413183
Палач: Пумер; СПб.; 2019
ISBN 978-5-4461-1149-7

Аннотация

«Палач» – один из самых известных романов Эдуарда Лимонова, принесший ему славу сильного и жесткого прозаика. Главный герой, польский эмигрант, попадает в 1970-е годы в США и становится профессиональным жиголо. Сам себя он называет палачом, хозяином богатых и сытых дам. По сути, это простая и печальная история об одиночестве и душевной пустоте, рассказанная безжалостно и откровенно.

Читатель, ты держишь в руках не просто книгу, но первое во всем мире творение жанра. «Палач» был написан в Париже в 1982 году, во времена, когда еще писателей и книгоиздателей преследовали в судах за садо-мазохистские сюжеты, а я храбро сделал героем книги профессионального садиста. Книга не переиздавалась чуть ли не два десятилетия. Предлагаю вашему вниманию, читатели.

Эдуард Лимонов

Книга публикуется в авторской редакции, содержит ненормативную лексику.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
1	8
2	13
3	18
4	21
5	26
6	28
7	30
8	35
9	38
10	44
11	48
12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдуард Лимонов

Палач

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Публицистический роман», 2019

© Эдуард Лимонов, 1993

© Romain Slocombe, обложка, 1986

Предисловие

Читатель, ты держишь в руках не просто книгу, но первое во всем мире творение жанра. «Палач» был написан в Париже в 1982 году, во времена, когда еще писателей и книгоиздателей преследовали в судах за садо-мазохистские сюжеты, а я храбро сделал героем книги профессионального садиста.

Впервые мой «Палач» вышел по-французски в 1986 году. Издательство Ramsay, опасаясь цензуры, стыдливо называли его «Оскар и женщины», а сделанные с моим участием откровенные фотографии для прессы были единодушно отторгнуты французскими печатными СМИ, несмотря на то что издания признавали их дикую субверсивную красоту. Осмелился напечатать одну только фотографию французский журнал «Плейбой».

Для сравнения – схожий по зловещему изображению нью-йоркского светского общества роман Тома Вулфа «Костер тщеславия» (The Bonfire of the vanity) вышел на год позже, в 1987 году, а роман Брета Истона Эллиса «Американский психопат» – только в 1991-м.

«Палач» был издан в России издателем А. Шаталовым (издательство «Глагол»), тиражи сменяли друг друга чуть ли не ежемесячно, У меня сохранилась книга, в которой тираж обозначен 250 000 экземпляров. Всего было продано тогда свыше миллиона «Палачей».

Книга не переиздавалась чуть ли не два десятилетия. Предлагаю вашему вниманию, читатели.

И еще, главное, – помимо социальной сатиры и откровенных, не для до восемнадцатилетних, сцен, «Палач» еще и мощный тугой детектив.

Книга не постарела, как обыкновенно бывает с книгами. Как удав, мускулистыми кольцами она сжимает читателя, грозя раздавить.

И плюс еще: у меня сохранилась обложка французского издания. Она настолько выразительна, что мы решили ее воспроизвести.

Эдуард Лимонов

Глава первая

1

Когда он допил третий кофе, часы показали час ночи. Одна дверь в зал «Макдональдса» была открыта, и с 59-й улицы доносило к Оскару все тот же монотонный шум сентябрьского нью-йоркского теплого дождя, перемежаемый иногда всплесками колес автомобилей, имевших неосторожность проехать слишком близко к тротуару и попавших в яму с водой. Оскар знал, что там, напротив дверей, в асфальте есть яма.

Кроме него, в зале было только трое посетителей, полузаснувших над своими биг-маками и гамбургерами в окружении красных, желтых и синих пластиковых стульев. Полусумасшедший старик, неряшливый, седой и косматый, такой же завсегдатай именно этого «Макдональдса», как и Оскар, они даже раскланивались иногда и бормотали друг другу при встрече нечто похожее на «хэлло», и еще два человека, пришедших вместе: пожилой шофер такси и молодой парень в черной кожаной куртке. Оскар видел, как оба вылезали из желтого кеба. Сейчас они вяло жевали, почти не разговаривая. Временами Оскару казалось, что парень – сын шофера, но, пораздумав, Оскар тотчас же менял мнение и допускал,

что парень – его приятель, однако через несколько взглядов сомневался опять...

В сущности, Оскару было о чем задуматься и без того, чтобы ломать себе голову над тем, состоят ли двое из посетителей «Макдональдса» в родственной связи или нет. Двенадцать часов назад Оскар взял из банка последние пятьдесят долларов – остаток последнего анэмплойментчека. Следовало подумать, как жить дальше.

Оскар досадливо поморщился. Собственно, выход был только один. Скучный, отвратительный, обычный, как всегда, – найти работу. Самое лучшее, на что он может рассчитывать, – место официанта в одном из гомосексуальных ночных баров в даунтаун, у самой Хадсон-ривер. Если ему повезет, конечно. Ночная работа, мизерное жалованье и довольно приличные чаевые. Похлопывания по заднице, щипки и заигрывания лысых атлетов-интеллектуалов из Гринвич-Вилледж его уже давно перестали раздражать, но запрягаться опять в работу после целого года хотя и стеснительной и бедной, но достаточно свободной жизни на анэмплойменте Оскару ужасно не хотелось.

Он способен был терпеть, по натуре Оскар был терпеливым человеком, однако он жил уже на Западе шесть лет. Шесть лет, сцепив зубы, ожидал пришествия не совсем понятного ему самому чуда... Только совсем недавно Оскар наконец понял, что у него нет никаких перспектив. Работать официантом можно еще лет тридцать. Оскару нужен был

счастливый случай.

– Ебаная старая жопа! – вдруг крикнул парень и швырнул свой поднос с остатками гамбургера, недопитым кофе и рассыпанным фрэнч-фрайс в лицо «шоферу». – Ебаная старая жопа! – повторил он уже тверже и выдвинулся, тщательно согнув колени, из-за пластикового стола.

«Что это они, – подумал Оскар, – вдруг ни с того ни с сего?»

Черная девушка в макдональдсовской форме, единственная сегодня ночью, испуганно поглядела в зал. На ночь «Макдональдс» сокращал обслуживающий персонал до минимума.

– Марк! – сказал «шофер», утирая бумажной салфеткой кофе и майонез с кетчупом с лица. – Марк, ты не можешь уйти, я тебя предупредил. Ты не можешь уйти. Не можешь! – Голос «шофера» был, как ни странно, спокойным.

– Да? – со злобой спросил тот, кого называли Марком, повернувшись к «шоферу». – Да? Так вот, я ухожу. – Красивое ширококортное лицо его изломалось поперек в резиновой гримасе. – Ухожу! – И, сунув руки в карманы куртки, он твердо, не оборачиваясь, нарочито печатая шаг, пошел к двери.

Далее произошло то, чего Оскар никак не ожидал и что заставило вздрогнуть даже как будто безучастного ко всему на свете старика бродягу. «Шофер» выудил откуда-то из одежды револьвер и, не вставая из-за стола, более того, как показалось Оскару, даже практично используя стол, укрепив на

нем локти, вытянул перед собой револьвер и три раза подряд выстрелил в того, кого называл Марком. Три раза. Баф! Баф! Баф!

Марк споткнулся и, повернувшись лицом к «шоферу», испуганно-удивленно посмотрел на него. Он открыл рот, но не смог произнести фразы. Шипение только раздалось из его рта, и он медленно и неуверенно пошел по проходу между цветным великолепием макдоналдсовской мебели к столику, за которым сидел «шофер». «Шофер», не меняя позы и выражения лица, спокойно и строго застывшего в своем спокойствии, выстрелил еще один раз. «Баф!» – глухо прозвучало в зале, и тот, кого называли Марком, упал.

«Шофер» встал из-за стола, спокойно оглянулся вокруг, равнодушно скользнул взглядом по Оскару. Очевидно, Оскар, бедно одетый по моде будущего – периода послеатомной войны – в армейские брюки хаки и черную вылинявшую куртку, не вызвал в нем никаких эмоций. Один из неудачников большого города. Точно так же невнимательно «шофер» оглядел старика и... подошел к Марку. Вернее, не подошел, а прошел. Остановился он только на мгновение и вышел в дождь. Хлопнула дверца, всхрипнул мотор, и зад желтого такси, дотоле видимый за стеклами «Макдональдса», утянулся прочь.

Черная девушка и появившийся с кухни черный круглолицый парень, тоже в униформе «Макдональдса», опрокидывая макдональдсовские предметы, понеслись, как дога-

дался Оскар, звонить по телефону в полицию. Оскар же и старый бродяга, не сговариваясь, впопыхах, почти побежали к двери, едва не столкнувшись в ней, и, не обращая внимания на дождь, как можно быстрее удалялись от злосчастного заведения. В разные стороны, конечно.

У себя в отеле, стащив мокрую и липкую одежду, Оскар напустил в ванну горячей воды и, подрагивая, влез в горячую воду. За шесть лет жизни в Нью-Йорке с ним случалось всякое, но убийство он наблюдал в первый раз.

Нельзя сказать, чтобы происшедшее очень уж произвело на него впечатление, шокировало его, поразило или испугало. Ничего ужасного он не увидел.

Обыденная струйка крови, вытекшая из-под тела Марка на пластиковый пол, была невыразительной на фоне красных, синих и желтых цветов «Макдональдса», выглядела фальшивой, сиропом. Из действующих лиц представления, разыгравшегося у Оскара на глазах, ни одно Оскара не шокировало, скорее, они выглядели нелепо.

«Почему незначительные, плохо одетые люди устроили дурацкий карнавал в жалком, пустом зале «Макдональдса»? – думал Оскар, поживаясь в горячей воде; сырость, накопленная по пути «домой» в отель, все еще выходила из него. – Неужели нельзя было устроить то же убийство в холле отеля «Плаза», к примеру, он в сотне метров ходьбы от «Макдональдса» на Пятьдесят девятой?» – недоумевал Оскар.

Люди без воображения, взявшиеся не за свое дело, решил Оскар. Аматеры.

В представлении Оскара убийство было настолько исключительным, торжественным и праздничным действием, что действие это совершенно не вязалось, никак не принадлежало мятым брюкам «шофера», его потасканной, незначительной физиономии, и даже красивый Марк, по мнению Оскара, должен был выглядеть иначе.

«Фу, какой я фантазер все же!» – спохватился Оскар, плеснул себе в лицо воды из ванны и, открыв кран с холодной водой, умылся и холодной.

«Хорошо, что ушел тотчас же, до прихода полиции, – подумал он о себе с одобрением. – Сейчас сидел бы в отделении и отвечал на идиотские, как всегда, расспросы полицейских. Умирая от усталости. Мы, ньюйоркцы, не любим быть свидетелями».

Он с гордостью считает себя ньюйоркцем. Оскар Худзински за шесть лет жизни вне Польши давно перестал считать себя поляком...

Справедливости ради следует отметить, что и в стране, где он родился, Оскар чувствовал себя менее поляком, чем большинство его соотечественников. Прожив в своем родном провинциальном городе Зелена-Гура до двадцати одного года, он все время чувствовал себя иностранцем, европейцем, по несчастному стечению обстоятельств живущим среди дикарей. Несмотря на то что Зелена-Гура была расположена, да, в Европе, в сотне километров от границы с Германией, Оскар сомневался в принадлежности ее жителей к ев-

ропейцам. Как умный и снисходительный цивилизованный человек, Оскар, впрочем, прощал дикарям их грубые выходки. Поступив в Варшавский университет, живя уже в Варшаве, Оскар немного приблизился к своим соотечественникам, но, увы, ненадолго.

Мечтательный, болезненный ребенок, сын учителя и учительницы, легко переходил из класса в класс и так же легко, отработав требуемые два года продавцом в книжном магазине, поступил без усилий на философский факультет Варшавского университета. Куда еще может пойти учиться одинокий, задумчивый мальчик, друзей и знакомых которого можно пересчитать по пальцам одной руки. И родители, и он сам считали, что философский факультет как раз впору Оскару.

– Ты что, вареный, Худзински? – спросила его Эльжбета, впервые встретив Оскара на студенческой вечеринке. – Вареный, да? – Случилось это, уже когда Оскар учился на третьем курсе. – В тебе совсем нет жизни, – добавила Эльжбета, – как будто бы тебя сварили в кипятке.

– Может быть, я еще не проснулся, – смущенно сказал тогда Оскар. – Сплю еще.

Эльжете было суждено стать женщиной, пробудившей Оскара от затянувшегося сна. Мужчиной он стал с нею в возрасте почти двадцати трех лет. Точнее говоря, за полмесяца до своего двадцатитрехлетия. Впрочем, о том, что она – его первая женщина, Оскар Эльжете, разумеется, не сообщил. У него хватило самообладания разыграть сцену

неимоверной влюбленности, которая-де и повергла его в их первую ночь в половое бессилие. Разумеется, первая ночь была неудачной. Накануне Оскар покорно предвидел, что член у него не встанет, ему даже приснился невставший у них с Эльжбетой его член за несколько ночей до этого... Через неделю, однако, Эльжбета пришла к влюбленному в нее импотенту опять...

Оскар в ванне улыбается. Прошло двенадцать лет с той зимы... Эльжбета была настоящая, стопроцентная женщина, думает Оскар в ванной. Эльжбета жила по принципу «Хочу и буду!», и ее возбуждал, как она думала, импотент. Снова и снова она приходила к нему, к его холодным дрожащим рукам, испуганно хватавшим ее за ляжки под юбкой, к его наглým и мстительным пальцам импотента, проникавшим к ней в щель, беспощадно терзающим ее мясо, которое обычным путем не могло принадлежать ему. Эльжете нравилось, когда Оскар, обливаясь обильно холодным потом, пытался втиснуть свой не желающий стоять отросток в ее слабо поросшую блондинистым пушком щель, нравилось, когда, озлобленный своим неуспехом, Оскар часами ебал ее свечкой, вызывая оргазм за оргазмом... В конце концов однажды, уже совсем забыв, что у него есть член, Оскар нашел его у себя под животом вздыбившимся, в то время как он безостановочно лизал верхнюю часть половой щели Эльжбеты-животного, Эльжбеты-суки, Эльжбеты-пизды.

Это случилось на Пасху. Может быть, два месяца ушло

у Оскара именно на то, чтобы изменить свое представление об Эльжбете и вместо сероглазой ангелоподобной тоненькой блондинки, нежно сложенной, миниатюрной и хрупкой, наконец увидеть «истинную» Эльжбету – хрипящую, задыхающуюся суку, с красным надрезом между ног, и после нескольких часов лизания и ебли толстой свечкой все хрипящую: «Еще! Еще!»

Импотент Оскар взял свой член, и понес его уверенно, и вставил его в задохнувшуюся от радости Эльжбету. Она, грязное животное, тотчас определила, что это Его Величество Оскаров Хуй, а не свечка, хотя глаза у нее в этот момент были закрыты. В ту пасхальную ночь восемь раз кончил Оскар в свою девочку, понимая, какая она хорошая девочка, какая она отвратительная блядь и как сладко ему, Оскару, ебать Эльжбету именно в день Пасхи, священный день его верующих родителей.

Оскар проснулся именно в ту ночь.

Оскар Нью-йоркский проснулся от телефонного звонка. Нашарив трубку рукой, он прохрипел «йес» и услышал в ответ кошачье мяуканье.

– Мяу, взу, мяу-ууу! Вя-ууууууу! – мяукал женский голос.

– Наталья, брось дурить, – попросил Оскар с досадой.

Трубка не сдавалась.

– Мяу-уууу! Вау-ууууууу! Вя-ууууууууууу! – совсем уж истошно заверещала трубка.

– Слушай, – разозлился Оскар, – я бы вообще не должен был с тобой разговаривать после вчерашнего.

В трубке фыркнули.

– Перестань, – сказали в трубке. – Я хочу, чтобы ты приехал и выебал меня, – промурлыкали в трубке. – Я только в шесть часов приехала домой, сейчас проснулась и лежу тут тепленькая. Приезжай немедленно! – В голосе слышались металлические нотки. – Немедленно!

– Послушай, – сказал Оскар, – я что тебе, наемный хуй? По первому требованию я должен лететь в другой конец города и удовлетворять твои животные страсти, да? Ты хотя бы извинилась за вчерашнее свое хамство.

– Какое хамство?! – раздраженно и бессильно простонала Наташа в трубке.

– Ты бросила меня, любовника и приятеля, кроме всего

прочего, и пошла обедать с этим кретином Джефом только потому, что у него был кокаин. За грамм кокаина ты продашь родную мать.

– О боже! – простонала Наташа. – Как все сложно. Ты ведь сам ушел вчера, не так ли, О? – В примирительном состоянии духа Наташа всегда называла Оскара – О.

– Ушел?! – возмутился Оскар. – А что мне еще оставалось делать? В прошлый раз Джеф уже платил за нас обоих. Я не приживалка, я мужчина, мне неприятно, когда другой мужчина вынужден платить за меня! Да еще мужчина, который смотрит на тебя, облизываясь. Знаешь, как это ужасно для мужчины – не иметь денег, как унижительно? Тебе этого никогда не понять...

– О, миленький, потом мы все это решим. Приезжай сейчас и выеби меня так, чтобы у меня глаза на лоб вылезли, а? – прошептала быстрым задыхающимся шепотом Наташа, отлично зная, как этот ее специальный шепот действует на Оскара.

Оскар обиженно молчал.

– О, бери такси и приезжай. Сейчас же, я тут горяченькая лежу, и ножки у меня дергаются...

– Ох, – вздохнул наконец Оскар в трубку. – Какая же ты блядь, Наталья...

Блядь захихикала в телефонной трубке.

– Приезжай, – сказала она опять быстро, – и знаешь что, захвати, пожалуйста, хлыст и твой большой резиновый член.

Я хочу, чтоб ты меня изнасиловал и побил и после этого выебал огромным членом. – Наташа задохнулась и остановилась...

– Хорошо, сейчас приеду, – грустно согласился Оскар и положил трубку.

Оскар погрузил хлыст и член в черном картонном футляре в синюю спортивную сумку и, немного подумав, положил туда же и кожаные наручники с тянущимися от них цепями и кожаную черную маску. Блядь Наташка любит сценически оформлять свой любовный акт, она и заставила в свое время Оскара закупить все это снаряжение.

Оскар опять вздохнул и, сдернув со стены ошейник с острыми, неспиленными шипами, бросил и его в сумку и, свистнув «молнией», повесил сумку на плечо и вышел из комнаты. В коридоре воняло чем-то тухлым. Оскар, не дожидаясь элевейтора, побежал по черной лестнице отеля вниз. «Эпикур» был очень запущенным single room occupancy отелем. Сокращенно SRO hotel.

Лишь на улице Оскар догадался взглянуть на часы и удивился, что еще только половина десятого. Наташка, наверное, немало потребила вчера кокаина, куда уж тут уснуть. Обычно в половине десятого русская блядь еще спит, со смешком подумал Оскар, идя к остановке автобуса, пересекающего Манхэттен с Веста, где живет Оскар, на Ист, где живет Наташка. На 84-й улице живет Наташка в апартменте высоченного старого многоквартирного дома. Апэртмент оплачивает ее «официальный» любовник – бизнесмен Джоэл.

«Пизда, да еще русская пизда, – иронически думает Оскар, идя к автобусу, – куда более подходящий для жизни предмет, чем хуй». Злость его на Наташку стала проходить, хотя вчера Наташка, безусловно, поступила по-свински. Двенадцать с половиной часов назад, подсчитывает Оскар, ему пришлось уйти от Наташки. Сидевший у нее в гостях хозяин галереи на Мэдисон, низкорослый типчик Джеф, предложил пойти пообедать куда-нибудь... «Я прямо с работы и еще не обедал, – заявил он капризно. – Куда пойдем?»

Они курили в этот момент гашиш хозяина галереи. Наташка посмотрела вопросительно сладкими, вдребезги разбитыми зрачками на Оскара, и то же сделала ее подруга Анн, только у Анн зрачки были зелеными. Оскар ничего не ответил. Он думал: «Какая же сука этот Джеф – ему, конечно, один хуй, он может пойти в любой ресторан...» А Оскару нечем было заплатить даже за себя. Из взятых из банка в полдень пятидесяти долларов тридцать пять он заплатил за комнату в отеле, нужно было хоть что-нибудь сунуть менеджеру, чтоб он заткнулся... Оскар промолчал, а Наташка и Анн, толстое, с красивым лицом блондинистое существо тридцати лет, стали усиленно хвалить гашиш хозяина галереи.

– Какой прекрасный, крепкий гашиш! – простонала Наташка, нюхая кусок темного вещества. – Понюхай, Анн! – предложила она Анн, и та, взяв кусок с узкой ладони Наташки, подобострастно понюхала. – Понюхай, О, – сказала На-

ташка, – он даже пахнет по-другому, не то что твой – ливанский. И другого цвета.

Оскар опять промолчал. Что он мог сказать? Действительно, афганский гашиш Джефа был лучше и куда дороже, чем относительно дешевый зеленоватый ливанский гашиш, который позволял себе покупать Оскар. Да и то не всегда. Последний кусок он купил на деньги Наташки. Она должна была постоянно что-то потреблять – гашиш или марихуану как минимум. Вообще-то Наташка больше всего любила нюхать даже не кокаин, но героин, хотя и побаивалась этого.

– Возьмите по кусочку, девочки, и положите под язык. Хаш такой мягкий, что его можно сосать, – предложил щедрый Джеф и, отщипнув по кусочку гашиша, дал женщинам. «Девочки» дружно сунули гашиш в рты и льстиво заулыбались. Подобострастно. Они хотели обед и кокаин, и то и другое им мог дать Джеф. В кармане у него лежала коробочка с кокаином, и в бумажнике – доллары, заработанные продажей так называемых «произведений искусства». По мнению Оскара, все «произведения искусства» в галерее Джефа ни хуя не стоили, говно, но деньги у Джефа всегда были, это факт. Оскар – ему противны сделались подобострастные лица Наташки и Анн – встал и, провозгласив: «Мне нужно уйти, к сожалению, меня ждут!», пошел к двери. Наташка пошла за ним.

– Уходишь? – спросила она без всякого интереса.

Оскар ее хорошо знал, они встретились впервые шесть лет

назад. Сейчас, знал Оскар, все Наташкины мысли и желания сосредоточены на коробочке, лежащей в нагрудном кармане у Джефа, на кокаине и последующих развлечениях.

– Не могу же я идти обедать за его счет, – сказал Оскар. – Хватит того, что он будет платить за вас.

– Да, ты прав, – отметила Наташка безучастно.

– Гуд бай! – сказал Оскар.

– Гуд бай! – сказала Наташка.

За дверью на глаза Оскара навернулись злые слезы: «Какая же она гадкая блядь! Какое говно!» Уже не говоря о том, что Оскар – Наташкин любовник, они оба давно согласились с тем, что Оскар также и Наташкин лучший друг. И вот она опять, в очередной раз, предала своего лучшего друга за несколько линий кокаина и обед в хорошем ресторане. «Ебаное говно! Ебаное говно! Блядь!»

«Русская блядь может спать с кем угодно. С пигмеем пойдет спать. У Наташки было несколько черных любовников, – вспомнил Оскар. И, не будучи расистом, все же не отказал себе в злом ругательстве: – Подстилка для черномазых! Блядь!»

«Кусок слизистой кишки длиной в полметра! Внутренность ходячая! Пизда!» – ругался Оскар, спускаясь в элевей-торе, и потом, бродя без цели по улицам Ист-Сайда. Оскар провел одинокий, горький воскресный вечер.

Настоящая женщина откажется от удовольствия, если ее друг, сидящий у нее в доме, не может себе позволить пой-

ти в ресторан, и проведет вечер с другом. Разделит этот вечер с Оскаром, у которого нет денег. Кроме того, Наташка сама вызвала к себе Оскара вчера. «Но к тебе же приходит Джеф», – заметил Оскар. «Ну и что, я пригласила его на дринк. Приходи и ты, придет еще Анн. Посидим, выпьем...»

«Посидели, – думает Оскар. – Какая сука!» Оскар пробыл у Наташки вчера полтора часа и вынужден был убраться на улицу. Наташка давно потеряла совесть. И порядочность. Даже по отношению к нему, Оскару, который как будто бы ей ближе других...

Оскар ждет уже десять минут, но автобуса все нет. Оскар выходит на мостовую и вглядывается в глубину улицы. Нет, над автомобилями высятся только широкие туловища траков. Оскар возвращается на остановку, где уже стоят с десятков человек, в основном черные женщины, направляющиеся на Ист-Сайд чистить и мыть богатые дома и апартаменты. Вечером они, уже усталые, будут стоять на автобусных остановках на Мэдисон, чтобы вернуться к себе в Гарлем. Обратно им ехать удобнее, автобус, взбираясь в аптаун по Мэдисон, на 110-й улице поворачивает на Вест-Сайд.

Мысли Оскара возвращаются опять к Наташке, к неприятному ощущению от вчерашнего вечера, проведенного в одиночестве из-за нее, предательницы и бляди, и натываются вдруг на самый конец вечера, на сцену в «Макдональдсе». «Убил, интересно, “шофер” Марка или только ранил? – размышляет Оскар. – Следует купить “Нью-Йорк пост”», – решает он и, пересекая улицу, идет к газетному киоску. В «Нью-Йорк пост» наверняка есть уже информация о случившемся вчера в «Макдональдсе» на 59-й улице. Именно кровавыми происшествиями живет газета. В наилучшие свои времена, когда Оскар жил в двухкомнатной квартире на Вест-Сайде, рядом обвалился вдруг реставрируемый дом. Наутро фотоснимок: скучный пейзаж их улицы, руины со-

седнего дома глядели на Оскара с первой страницы «Нью-Йорк пост». Со множеством нужной и ненужной информации, с кучей деталей о том, кто из рабочих последним покинул накануне место работы, чьи машины оказались погребенными под грудами кирпичей, какая компания производила перестройку дома...

Первая страница «Нью-Йорк пост» несла на себе жирный заголовок. Черные буквы кричали: «Убийство садиста!»

Оскар взял верхнюю газету и, взглядевшись в мутную фотографию под заголовком, узнал распластанное на полу «Макдональдса» тело Марка. Только тогда он положил в вопросительно сложенную ковшиком грубую ладонь киоскера двадцать центов. Не так много центов оставалось в карманах Оскара. Читать газету сразу он, однако, не стал, решив расположиться с комфортом в автобусе, определить сумку на пол, между ног, и тогда уже прочесть рипорт.

Устроившись в металлическом углублении сиденья, покачиваясь в брюхе несущегося на рысях уже через Централ-парк мамонта, Оскар стал читать:

Марк Хатт, профессиональный садист, работающий в кабаре-шоу «Зловещие ребята» на Восьмой авеню возле 44-й улицы, был убит вчера ночью, около 1 часа 10 минут эй. эм., в «Макдональдсе» на Ист-Сайде.

«Марк Хатт был убит в результате ссоры с человеком среднего роста, одетым в джинсы, клетчатую рубашку и серый коттоновый пиджак, предположительно шофером такси», – сообщила полиции мисс Даяна Грейберд, 19, служащая отделения «Макдональдса» на Ист 59-й улице, свидетель произошедшего.

«Они пришли вместе около 00:45 эй. эм. и заказали два биг-мака, одну рыбу, мидиум фрэнч-фрайс, одну кока-колу и один кофе, – сообщила мисс Грейберд. – Платил старший – "шофер такси". Затем между ними произошла ссора, во время которой оба громко кричали. Ссора прекратилась, когда шофер выхватил револьвер и выстрелил в Марка Хатта четыре раза», – утверждает мисс Грейберд.

«Последний выстрел был произведен с очень близкого расстояния, почти в упор. Я думаю, не более двух ярдов разделяло убийцу и жертву.

Именно последний выстрел в область сердца и оказался роковым, – заявил лейтенант 17-го отделения полиции Джек Вашингтон, которому поручено вести расследование. – Мотивы убийства пока неизвестны, личность убийцы тоже. Но мы предполагаем, что убийство совершено из ревности. Мистер Хатт выступал в шоу "Зловещие ребята" в роли доминантного садиста и, затянутый в кожу, производил, по свидетельству очевидцев, весьма жесткое мужское впечатление. Мистер Хатт, гомосексуалист, был также частым посетителем гомосексуальных баров в районе Кристофер-стрит и Хадсон-ривер, – добавил лейтенант Вашингтон. – По всей вероятности, убийство совершено одним из его многочисленных любовников. Мы уже начали расследование. Не думаю, что дело окажется сложным», – сказал в заключение лейтенант Вашингтон.

Оскар сложил газету вдвое. Действительно, ничего необыкновенного в этом деле не было. Для лейтенанта. В одиннадцатимиллионном городе части трупов, найденные в мусоре, были нормальным явлением. Но «профессиональный садист» звучало intriguing. Какого сорта жизнь скрывалась за этой профессией? Странная, должно быть, была жизнь у Марка Хатта. Даже если он играл в профессионального садиста. Даже если он только зарабатывал на этом деньги...

Дверь в Наташкину квартиру была открыта. Оскар вошел и захлопнул за собой дверь. Сумку он бросил у порога и, пройдя через ливинг-рум, вошел в спальню. Наташка лежала в своей постели куртизанки под балдахином.

– Это ты? – спросила Наташка, приоткрыв один глаз.

– Нет, не я, – ответил Оскар и уселся на стул.

Шторы у Наташки в спальне были задернуты, и на ее десятом этаже царил полумрак, хотя на улице уже щедро сияло осеннее нью-йоркское солнце. Наташка ненавидела солнце. Простыни на Наташкиной постели были специальные, сделанные по заказу. Черные.

– Привез? – спросила Наташка, недоверчиво завозившись под одеялом.

– Ну и сука ты! – сказал Оскар, – Дешевка!

– Потом, потом, – зашептала Наташка, – иди сюда сейчас. Привяжи меня и изнасилуй.

– Недоебал он тебя? – враждебно и полувопросительно проговорил Оскар, но все же встал со стула, вернулся за сумкой и принес ее к кровати.

– Недоебал, недоебал, – согласилась Наташка, хихикая. – Я не могу с ним кончить, ты доебешь, ты. Я тебя люблю...

– Ебаная дыра, – сказал Оскар и снял куртку.

– Дыра конечно, – радостно согласилась Наташка. – Я еба-

ная блядь! – И заворочалась опять. – Что ты так долго ехал, я уже мастурбировать начала.

Оскар ничего не ответил, он разделся и, сняв с Наташки одеяло, смотрел на нее теперь. Пизда эта русская возбуждала его как никакая другая женщина в его жизни. Разве только Эльжбета могла сравниться с русской блядью Наташкой по степени сексуального жара, ею испускаемого. Эльжбета – его первая женщина.

Наташка очень тонкокостная, скелет ее неширок, как скелет ребенка, хотя ростом она только чуть меньше Оскара. В Оскаре 5 и 9, следовательно, в Наташке где-то 5 футов и 8 ничей. На изящных костях у Наташки достаточно мягкого тоненького мяса, и жопа у Наташки необыкновенно пышная, есть и животик, однако, когда Наташка одета, из-за ее тоненьких костей кажется, что она худая.

Под изучающим взглядом Оскара Наташка вдруг уперлась головой в подушку, приподняла и выпятила живот и раздвинула ноги. Разрез у нее между ног раскрылся, и оттуда на Оскара бесстыдно выглянула всегдашняя Наташкина розовость. «Наташка постоянно делает что-то со своей пиздой, потому что она у нее постоянно раздраженная, – подумал Оскар неприязненно. – Если случается день, в который ее никто не ебет, она мастурбирует». Даже если Наташка просто читает книгу, знает Оскар, одна рука ее произвольно находится у нее на щелке. Трогает, гладит, копается. Как дети копаются в носу или сосут палец...

Оскар протянул руку, достиг Наташкиной раскрытой пизды и слегка провел по ней и по белой шерстке, ее покрывающей, пальцами. Вздвогнув и закрыв глаза, Наташка опустилась на кровать...

Через полчаса, натягивая никелированные цепи кожаных наручников, Наташка стояла коленками на подушке у края кровати, а Оскар медленно двигал своим членом в ее попку. Наташка всегда любила, чтоб ее трахали в попку, но только уже после того, как достаточно, до изнеможения, выебут в пизду. Сейчас Оскар, не обращая внимания на Наташкины мольбы, – она же просила ее изнасиловать, – ввел ей член в попку до срока.

Более того, двигая членом в попку русской женщины, Оскар чувствовал, как член его, разделенный только тоненькой перегородкой Наташкиной слизистой плоти, царапается о шипы и колючки искусственного резинового дилда, которое он вставил глубоко в Наташкину пизду и время от времени поворачивал одной рукой, чтоб Наташке не было скучно. Оскар был еще зол на Наташку за вчерашнее предательство, и ему хотелось, очевидно, отомстить ей, сделать ей больно.

– Не н-ааа-до! – достанывала Наташка, но уже не очень уверенно. Боль, по-видимому, стала проходить, сменяясь удовольствием. – Не н-ааа-до...

– Молчи, блядь! – швырнул Оскар и ударил Наташку правой рукой по пухлой половинке. «Ой!» – вскрикнула Наташка и покорно вспомнила, что она только раба, дыра, в кото-

рую Оскар Великолепный соизволил вставить свой величественный, налитый кровью жезл. Попка ее, жалко затрепетав, потянулась назад, в сторону Оскара, чтобы как можно большая длина члена самца вошла в нее – в Наташку, покорную русскую самку...

Кожаная маска на лице Оскара крепко пахла кожей. Вот уже год, как у него была эта маска, но крутой запах новой кожи не выветрился. Запах нравился Оскару, в нем содержалась составным элементом некая свежесть, и еще... мужественность, крепкость была в запахе черной кожи.

– Когда ты ебешь меня в этой маске, я представляю, что со мной не ты, но новый, незнакомый мне мужчина, – говорила ему не раз Наташка, лукаво сощутив кошачьи, с расколотыми изнутри зрачками, глаза.

– Можно подумать, что ты замечаешь, кто тебя ебет, – бурчал в таких случаях Оскар. – Тебе лишь бы хуй, носитель же его тебе безразличен.

– Ну уж нет, – полусмеясь, отрицала Наташка, даже чуть смущаясь. – Я не ебусь со всеми, как ты себе это представляешь, О. У тебя большое воображение. Мне, – томно вздыхала она, откидывая назад голову, так что обнажалась вся ее красивая, чуть припухлая под подбородком, нежная шея, – мне важно, чтоб мужчина меня чувствовал...

– Чувствуют они тебя, чувствуют, – продолжал зло бурчать Оскар. – Все. Черные тебя чувствуют, немецкие юноши, итальянские, еврейские – всякие... Все они тебя чув-

ствуют...

– Неужели я действительно такая блядь? – притворно вздыхала Наташа.

– Нет, ты ангел, конечно, – отвечал Оскар.

– Откуда ты знаешь, О, – загадочно понижала голос Наташа, – может быть, я невинна, несмотря на все мои связи, может быть, душа у меня святая, и каждый раз после акта Бог опять делает меня святой девственницей...

– Ну да, белые одежды... Ты любишь эту бутафорию. Белые незапятнанные ризы, чтобы потом еще больше получить удовольствия, заляпав их в грязи, вывозившись в грязи по уши, – ехидно говорил Оскар.

В сущности, они отлично ладили.

Они познакомились в грязном зале эмигрантского Культурного Центра на Шестой авеню и 46-й улице. Оскар появился в Культурном Центре всего один раз, соблазненный рассказом приятеля о даровых билетах в театр. Ему хотелось пойти послушать рок-группу. «Какую? – пытается вспомнить Оскар. – Уж не «Роллинг Стоунз» ли? Кажется».

Как бы там ни было, увы, оказалось, что на такие современные мероприятия эмигрантский Культурный Центр билетов не имеет. В центре имелись билеты на те культурные мероприятия, на какие, по-видимому, не хотел ходить никто, кроме эмигрантов: можно было послушать вышедших из моды теноров, симфонический оркестр города Миннеаполиса, выбравшийся на гастроли из своей заснеженной Миннесоты, но уж никак не «Роллинг Стоунз».

Пообещав старушке волонтерше, что он обязательно придет еще раз, и дав себе торжественную клятву никогда больше не возвращаться в грязный большой зал, уставленный пожертвованной канцелярской мебелью и воняющий дешевыми сигаретами, Оскар раздраженно ждал, когда приведший его соотечественник Анджей Крупчак закончит договариваться с прыщавым юношей – студентом Дэйвидом о месте и времени следующего обмена языками. Дэйвид Анджею даст нью-джерсийский американский, а Анджей Дэйvidу –

провинциальный польский, как вдруг... Вывернувшись откуда-то из-за колонны, к Оскару подошла высокая голоногая девушка в костюмчике – узенький маленький клетчатый пиджачок и такая же плиссированная короткая юбочка. Улыбнувшись лисьей невинной улыбкой, девушка спросила Оскара на очень плохом, но очень нахальном английском, не знает ли он, кто записывает на обмен языками.

– Можете обменяться со мной, – предложил Оскар. – Даже в вашу пользу: я вам два – английский и польский, а вы мне один. Какой ваш родной язык?

– А, братья-славяне! – улыбнулась девушка. – Я русская... Спасибо, но мне нужен настоящий американец.

Хотя Оскар и не сумел тогда доказать Наташе, что его английский – «настоящий» английский и, может быть, не хуже, чем английский язык доброй половины обитателей Нью-Йорка, а то и лучше, но роман у них получился «настоящий». Они даже прожили вместе в одном апартаменте шесть недель, чтобы потом расстаться на целых два года, на протяжении которых они яростно друг друга ненавидели, а потом вдруг, неожиданно для самих себя, примириться опять. «Мы не можем жить вместе, О, миленький, – говорила Наташа, – но в постели мы с тобой доставляем друг другу максимум удовольствия. В жизни ты злой, я – неверная и «предательница», как ты говоришь, в постели же мы оба вместе великолепны. Это единственная причина, почему я опять стала спать с тобой. Вообще-то я никогда не возвращаюсь к своим

бывшим любовникам».

Оскару не нужно было объяснять. Наташа была лучшей его женщиной. И вот уже почти шесть лет прошло, а Оскар до сих пор не обнаружил в мире вокруг себя ни единого существа, которое бы ему приносило столько сексуального удовольствия, как эта русская девочка. «Девочка, девушка, женщина, – учила его Наташа. – Я одновременно все три». И Оскар знал, что это правда. Наташка умела так застонать в постели, так положить руку на шею или на плечо мужчины, что грубое существо чувствовало себя богом. Обладая этим необыкновенным талантом, Наташа, впрочем, не важничала, держалась просто, даже легкомысленно, и щедро одаривала окружающих мужчин своими прелестями. Излишне щедро, по мнению Оскара.

– Русская дура! – кричал на нее иногда Оскар. – Американка давно бы уже сделала себе капитал. С твоей красотой, с твоим телом и темпераментом ты можешь выйти замуж за миллиардера, если захочешь, а ты ебешься с неудачниками!

– Ну да, – соглашалась Наташа скептически, сидя в постели и затягиваясь сигаретой, – и он посадит меня на цепь. И лишит меня всех удовольствий, которые я имею сейчас. И запретит встречаться с тобой, О, между прочим, – ехидно прибавляла Наташа. – В первую очередь.

Оскар замолкал.

Он ушел от Наташи в первом часу ночи. Исклестанная и размякшая «жертва», полузасыпая, просила Оскара остаться. Но Оскар ушел. Утром ему должен был звонить Чарли.

Чарли Карлсон работал в том самом исключительном гомосексуальном ночном клубе «Трибекка», куда хорошо было бы устроиться и Оскару. Сказать, что Оскар «хотел» работать в «Трибекке», подавать наглым гомосексуалистам-атлетам напитки, было бы неприличным преувеличением. Оскар не хотел, но в кармане у него лежало всего пятнадцать долларов. Точнее, пятнадцать долларов и сорок центов. Когда последние деньги лежат в твоём кармане, ты всегда точно знаешь, сколько их у тебя.

На свой Вест-Сайд Оскар пошел пешком. Иногда, даже ночами, он входил через Централ-парк, но сейчас, опустошенному от целого дня изнурительной борьбы с ненасытным телом Наташи, Оскару не хотелось подвергать себя еще и дополнительному психологическому напряжению этой лесистой военно-полевой зоны. Посему он, втрое удлинив свой путь, пошел в обход, решив дойти до 59-й улицы и по ней повернуть на Вест-Сайд, а оттуда уже, скорее всего по Бродвею, подняться вверх к своему отелю «Эпикур». Маршрут был Оскару хорошо знаком, он старался пользоваться сабве-ем или автобусами как можно реже. Повесив сумку на пра-

вое плечо, Оскар решительно устремился вниз, в даунтаун. Голова у него чуть кружилась, как-никак он провел в постели с Наташкой целых двенадцать часов.

Оскар не оставил «снаряжение» Наташке, не хотел, чтобы снаряжением воспользовался какой-нибудь из ее случайных гостей, хотя Наташка и утверждала, что хлестать ее плеткой и приковывать к кровати при помощи наручников – исключительный приоритет Оскара. «Они или делают мне очень больно, или вообще не чувствуют моего тела. С какой стати я буду просить бесталанных музыкантов играть на таком деликатном и нежном инструменте, как мое тело», – обижалась Наташа.

«Но ты же позволяешь неумелым и случайным музыкантам ебать тебя», – говорил Оскар.

Наташа в ответ молча и таинственно улыбалась. Иногда загадочно хихикала...

«Неизвестно когда, за мелкими заботами, мелкими происшествиями, прошло лето», – думал Оскар, вдыхая тепло-влажный, чуть отдающий сожженным углем, нагретым камнем и старой мочой запах Нью-Йорка. Оскар любил размышлять на ходу. Пожалуй, это и была единственная ситуация или позиция, в которой Оскар мог размышлять. Чтобы думать, ему нужно было ходить. По Нью-Йорку ли, по отельной комнате, не так важно, главное – ходить. Двигаться.

«Дела мои хуевые, – думает Оскар. – Мне тридцать пять лет, я уже шесть лет на Западе, и следует честно признать,

что я до сих пор неудачник». «Лузер», – повторил Оскар то же самое по-английски и удивился категоричному, безжалостному звучанию слова. Лексингтон-авеню, по которой он спускался вниз, была удивительно пустынна в этот сентябрьский вечер. – «Может быть, по ТВ показывают очень важную бейсбольную игру, и потому весь Нью-Йорк сидит сейчас у телевизоров? Или нет, для бейсбольной игры поздновато... Тогда, может быть, самое популярное в Америке шоу... – решил Оскар и опять вернулся к самому себе. – Лузер».

Оттуда, из Варшавы, все казалось проще. Ослепительно горели на интернациональном небосклоне сказочные карьеры Романа Полянского и Ежи Косинского. Когда еще Оскар был в Варшаве, стал советником президента Збигнев Бжезинский, к которому, когда Оскар уезжал, у него было даже рекомендательное письмо. Письмом Оскар так никогда и не воспользовался, однако оно, измятое в переездах, служило Оскару наглядным свидетельством могущества поляков в мире. Казалось, поляки, приезжая на Запад, оказываются способны не только выдержать конкуренцию с «их» режиссерами, с «их» писателями, с «их» политиками и религиозными деятелями, но и превзойти их, опередить, стать самыми-самыми... В конце концов, даже Папа Римский был теперь поляк.

У многих честолюбивых польских юношей появлялась рано или поздно мысль: «Они смогли, смогу и я! Чем я хуже?» Уже в Нью-Йорке, в первый год жизни здесь, тогда еще

Оскар живо общался с соотечественниками, он и несколько его приятелей извели немало вечеров, обсуждая стратегию и тактику успеха на примерах суперстар-соотечественников – тех же Полянского и Косинского – и даже заглядывая в успех других выходцев из стран восточноевропейского блока – чеха Милоша Формана, русских Нуриева и Барышникова.

Теперь Оскар понимает, что вечера эти были как бы сеансами оздоровления для польских эмигрантов, днем работающих в кухнях и подвалах нью-йоркских ресторанов, выгуливающих собак, перевозящих ткани на Фэшен-авеню, моющих полы, работающих гардами и гладильщиками.

«Собирались и бесконечно пиздели», – с грустью думает Оскар. Их было шесть человек, объединенных национальностью и возрастом, а более всего желанием успеха. «Успеха! Денег! Девочек!» – кричали их разгоряченные водкой лица, вне зависимости от того, что говорили рты. Водка в Нью-Йорке была дешевой. Кварта водки «Вольфшмит» стоила всего четыре доллара. Прибавив к водке вареной картошки и пару банок огурцов со славянским именем владельца на этикетке («Власик» назывались огурцы. «Видите, даже здесь «Власик»! – кричал пьяный Людвик Сречински. – Нью-Йорк – славянский город! Мы сделали его Великим городом!»), организовывалось застолье.

Вначале застолья были шумными, буйными и энергичными. К концу первого года, однако, атмосфера застолий стала заметно мрачнеть. Первым из компании выбыл Яцек Ан-

джеевский, получив место супера в многоквартирном доме в Джерси-Сити. Яцек считал себя писателем и был писателем там, сзади, в Польше. Покидая Нью-Йорк для бестолкового и провинциального Джерси-Сити на другом берегу Хадсона и выпивая с друзьями прощальную квартиру, Яцек хорохорился и заверял всех, что он очень счастлив переместиться, что его новая работа не только даст ему возможность бесплатно жить в большой квартире с мебелью, но и будет оставлять ему достаточно времени для творчества. «Как раз то, что я искал», – утверждал Яцек.

Оскар знает, что Яцек так и не поднялся из своего Джерси-Сити, все так же работает супером, только теперь у него есть еще жена Анна и двое детей. В каком-то смысле материально он живет куда лучше Оскара, но мечту сделаться писателем он похоронил, очевидно, навсегда.

«Понимаете, ребята, – говорил Яцек тогда в свой последний вечер в Нью-Йорке, когда “ребята” еще существовали и шесть человек сидели вокруг стола, – “они” (подразумевались издатели города Нью-Йорка) говорят, что я слишком рассуждаю, “проповедую” в моих книгах». – И Яцек снисходительно улыбался. Снисходительно по отношению к глупым издателям, не понимающим ценности книг Яцека. И снисходительно улыбались Оскар, Людвик, Кшиштоф, Войтек и другой Яцек – Гутор.

«Мудак! – неприязненно думает Оскар о бывшем товарище по несчастью. – Слабый мудак! Так и будет до конца

дней своих подбирать говно за жильцами ебаной каменной коробки». Оскар, однако, выбыл из компании вторым после Яцека, хотя никуда и не переезжал. Просто под различными предложениями перестал приходить на сборища, отказывался видеть старых друзей. Почему? Потому что понял – всем выжить невозможно, нужно остаться одному. Хватит жаловаться друг другу на свои несчастья. И мечтать. Нужно стать американцем. Ему это будет легче, чем другим, решил тогда Оскар, он знает английский язык.

Оскар дошел по Лексингтон-авеню до 59-й улицы и повернул на Вест. С нью-йоркского смоляного из-за туч неба (впрочем, в тех местах только, где небо было) начал не капать и не брызгать, но оседать влажный мрак. Не такой липкий, как в августе, но достаточно противный. «Нужно было поехать на автобусе», – подумал Оскар. Хотя пятьдесят центов из пятнадцати долларов и сорока центов не хотелось тратить. «Жалкая арифметика...» – с отвращением осудил себя Оскар и в тот же самый момент увидел перед собой огненные буквы «Макдональдс», горящие впереди на фоне черной дыры 59-й улицы. Дыра обрывалась в невидимой дали в Хадсон. «Фак!» – выругался Оскар и остановился. Потом перешел на противоположную, южную, сторону 59-й улицы. Но и этого ему показалось мало, и он пошел по противоположной стороне обратно, достиг Парк-авеню, поднялся по Парк вверх до 60-й и уже по ней вышел на Пятую авеню у отеля «Пьер».

В оправдание своей трусости Оскар вспомнил все ужасные истории и фильмы о злобных и тупых карьеристах-полицейских, об ошибках, допущенных полицией в расследовании преступлений, о невинных жертвах обстоятельств, посланных правосудием на электрический стул. Перед Оскаром даже на мгновение появилась воображаемая первая

страница «Нью-Йорк пост» с его, Оскаровой, фотографией и заголовком: «Философ, 35, подозревается в убийстве садиста!»

От крепости придуманного им самим заголовка Оскар одобрительно хмыкнул. Чуть напрягшись, Оскар «увидел» и текст рипорта:

«Польский эмигрант Оскар Худзински, 35, арестован сегодня утром, по месту жительства в резидент-отеле «Эпикур», 108-я улица и Бродвей, по подозрению в убийстве Марка Хатта, профессионального садиста. (Смотри “Нью-Йорк пост” за 26 сентября.) Называющий себя философом (окончил философский факультет Варшавского университета) мистер Худзински – брюнет, хорошо выглядит, 5 и 9 и, как утверждает полиция, являлся долгое время любовником мистера Хатта. Показания, полученные от обслуживающего персонала ночного ресторана “Адонис”, в котором год назад работал мистер Худзински, свидетельствуют, что Марк Хатт был завсегдатаем “Адониса”. Ресторан известен среди нью-йоркских гомосексуалистов как очень специальное место свиданий и...»

«Фак!» – ругается вслух Оскар, сочинивший выдуманный рипорт. Всего можно ожидать от этого города и этого мира, думает Оскар. Лучше на всякий случай не ходить больше мимо злосчастного «Макдональдса». Хотя Оскар и видел Марка и «шофера» первый и единственный раз в жизни только в прошлую ночь, чего не бывает. Даже если...

Из отеля «Пьер» выходит пара, и Оскар забывает и о Марке, и о «шофере», и о «Макдональдсе». Наглый тип его возраста, большеносый и лысоватый, с развязными манерами «рок-стар», одетый в легкий белый костюм, как бы только что снятый с плечиков самого дорогого магазина на Мэдисон. И девушка. Девушке лет семнадцать. Она одета с той сдержанной скромной элегантностью, с какой одеваются в «хороших» семьях. Под «хорошими» семьями Оскар подразумевает семьи, давно имеющие деньги, уже несколько поколений владеющие миллионами долларов и выработавшие вкус и манеры. И тела тоже, думает Оскар. Деньги брали в жены, разумеется, красоту, и после нескольких таких комбинаций у двери отеля «Пьер» стояла тонкая высокая темноволосая девушка-леди, мечта Оскара и, может быть, еще нескольких десятков миллионов мужчин. Юная леди с пылающими от выпитого вина, или джин-энд-тоник, или просто от юности, здоровья и благополучия щеками. Девушка стояла, таинственно мерцая глазами.

Оскар почувствовал себя внезапно маленьким. Могущественный Оскар, только что терзавший Наташкино тело, внезапно превратился в Оскара-карлика, пугливо пробегающего среди великанов. Богатых и сытых великанов, Наташка вполне удовлетворяла Оскарову плоть, его секс, но самолюбие Оскара умирало от голода без успеха, без активности.

Оскару внезапно захотелось иметь в кармане револьвер. «Ткнуть этому типу дуло под левую лопатку, выдрать у него

из рук пухлый, черной кожи бумажник, из которого он сейчас вытаскивает доллар для швейцара, распахнувшего дверцу лимузина». Юное создание, прекрасная водяная лилия, уже села на такое же, как и бумажник, черное сиденье лимузина и ждет лысоватого. «Ему ли, крысе, сутулому носатику, иметь это нежное чудо, – злился Оскар. – Ударив его рукояткой по голове, вспрыгнуть на сиденье рядом с девушкой и, наставив револьвер на шофера, крикнуть: “Тони, ебаный в рот!...”»

– Эх, парень! – сказал швейцар. – Смотри за собой. Не знаешь, как ходят по улицам?

Оскар врезался лицом в плечо швейцару.

– Извини, – сказал Оскар. И пошел дальше.

Приехав в Америку, Оскар хотел написать книгу. Он никогда не думал о себе как о писателе, несмотря на то что и родители, и немногочисленные друзья единодушно утверждали, что у писем Оскара очень хороший стиль. Нет, Оскар хотел написать социально-философскую книгу. Речь в ней должна была идти о роли интеллигенции в мировой истории. Суть основной идеи книги заключалась в том, что все исторические события и следующие за ними изменения в обществах – результат междоусобной борьбы (так сказать, «домашних ссор») различных групп интеллигенции. Народ же, утверждал Оскар, обычно призывается интеллигенцией только для исполнения грязной работы, для войн и революций.

Так было всегда, утверждал Оскар в набросках к своей книге, которые до сих пор валялись в одном из чемоданов Оскара вместе с письмом к Збигневу Бжезинскому и фотографиями родителей и Эльжбеты. И Цезарь, вне сомнения, был интеллигент, и Гитлер. Собственно, Оскар собирался придумать новый термин взамен неточного «интеллигенция», но так и не выбрал из нескольких имеющихся кандидатов нового фаворита. Оскар также упразднил в своей книге классовую теорию. Только два биологических класса, утверждал Оскар, существуют в мире: 5 процентов – актив-

ных, лидеров, именно тех, кого Оскар приблизительно называл «интеллигентами» или иногда «доминантами», и 95 процентов – все остальные, массы. Цифры Оскар взял из новейших исследований биологов.

О книге Оскар мечтал еще в Польше. Более того, именно она, представленная немногими черновыми набросками, но в основном же помещавшаяся в мозгу Оскара, была тем секретным оружием, которое он вывез из Польши. Секретным оружием для его, Оскаровой, борьбы с миром. Множество надежд возлагал Оскар на свою книгу. «Я не верю, что ты не везешь с собой бомбы на Запад, Худзински, – сказал ему, прощаясь, Лешек Брусиловски. – Ты умный человек и не поедешь с пустыми руками».

Однако книгу Оскар так и не написал. Приехав на Запад, он вдруг увидел, как неожиданно угрожающе разрослось море научного материала, который ему предстояло изучить или хотя бы прочитать, и... испугался. Способностей к серьезному мышлению у Оскара было достаточно, но работа, сама каждодневная работа – чтение книг, мышление, синтез и собственно процесс написания – оказалась Оскару не по силам. Он все оттягивал и оттягивал момент создания книги, да так и не уселся писать ее по сей день. Кроме того, одна непреодолимая преграда действительно стояла на пути Оскара к книге. А именно: у него не было денег, чтобы спокойно сесть и писать. Минимум два года, по его расчетам, должен был занять у Оскара его труд, а возможно, и три. Что он

будет есть все эти годы, где спать?

Основу книги, ее эмоциональный скелет можно было набросать в несколько недель. Но серьезный научный труд должен был представить не только теорию, но и ее доказательства. Доказательства – основное. В конце концов книга, становящаяся все меньше и меньше, исчезла за горизонтом сознания.

Другого секретного оружия у Оскара не было. Вот уже год или более того Оскар жил в Нью-Йорке безнадежно тупо – много пил, много курил марихуану и гашиш – другие наркотики были ему не по карману, но зато охотно «пробовал» и кокаин и героин, если оказывался в местах, где упомянутые субстанции водились. Еще Оскар охотно посещал любые развлекательные мероприятия – обеды, партии, коктейли и открытия выставок – в надежде набрести на случай, встретить свою удачу нос к носу. Он даже начал опять общаться с поляками, в основном с теми из них, кто был поэнергичнее и пообщительнее, в чьих домах собирались, кто приглашал и давал партии. «Никто не может знать, где бродит случай», – оправдывал себя Оскар. Впрочем, почти только соотечественники и приглашали еще Оскара.

Только одна часть Оскара была спокойна и удовлетворена. Его секс. Плоть его жила полной жизнью благодаря в основном Наташке, но также и другим, случайным, особам женского пола. После неудачного опыта совместной жизни и потом двухлетнего разрыва Оскар и Наташа «дали друг другу свободу». Оскар, безусловно, предпочел бы сузить Наташкину свободу и расширить свою, но за сужение свободы Наташке следовало заплатить, а у Оскара не было денег. И он это понимал. И потому даже не позволял себе звонить Наташке по телефону позднее определенного времени, не говоря уже о том, чтобы, упаси боже, явиться к ней без звонка.

За шесть лет Оскар много раз убеждался, что Наташка его по-своему любит и он очень любит Наташку, но постепенно их отношения обросли таким количеством правил, табу, условий, что стали похожи на уголовный кодекс дряхлого государства. После главного раздела «Свод законов отношений Натальи и Оскара» следовало еще множество поправок и дополнений к основным законам. Вся эта коллекция бюрократических уложений безусловно оставила Оскару в пользование только одно поле деятельности – постель. В социальной жизни Наташа была самостоятельной единицей.

Но и постель принадлежала Оскару, только когда Наталья этого хотела. Безусловно, он был самым частым гостем

в постели русской девушки, но вот и все утешение. Оскар бы жил с Натальей, ему с ней было весело и хорошо, но Наталья хотела жить так, как она живет, была в своей любвеобильной и мужеобильной жизни счастлива и менять ее на жизнь даже, предположим, с вдруг разбогатевшим Оскаром не собиралась. Если раньше у Оскара были какие-то сомнения, то сейчас сомнений уже не осталось. Оскар знал, что он лучший мужчина из всех, которых Наташка когда-либо имела или имеет, но она хотела иметь в постели и худших. «Для сравнения», – смеялась Наташа бесстыдным смехом, который порой пугал Оскара. Как и Наталья откровенность. Откровенности он сам хотел, добился, но, добившись, теперь боялся Наташкиной бесстыдно свободной души. «Может быть, это мое польское воспитание, мои сдержанные католические родители-учителя? – осторожно предполагал Оскар. – А Наташка – русская, в ней больше стихии, чем во мне». Сколько-нибудь связного объяснения тому феномену, что Наташка, устав от Оскарова умелого и изобретательного члена, вдруг отправлялась к членам неумелым и неизобретательным, Оскар так никогда и не получил. Оскар называл Наташку блядью, дырой, дешевым куском мяса, но русская женщина была упряма и таила в себе причину своей распущенности. Своего паскудного поведения. Может, поэтому Наташка так и осталась загадкой для Оскара. Он не мог понять, как от лучшего можно уходить к худшему. Ему, Оскару, тоже нравились случайные связи, они его возбужда-

ли, правда ненадолго, но такого качества, как с Наташкой, половой акт ни с одной женщиной не достигал...

Как бы там ни было, Оскар понял, что их отношения с Наташкой могут продолжаться еще полстолетия, до их смерти, что это тщательно сбалансированные отношения. И в этих отношениях, понимал Оскар, он был страдающей слабой стороной. Инициатива принадлежала Наташке.

Только ненадолго, как сегодня, приковав ее тело к кровати, хлеща плеткой по ее груди и щели, рукою насильно вскрывая Наташкин рот и всовывая туда член, мог Оскар насладиться доминантной позицией, побыть хозяином этой неверной женщины... «Марк Хатт тоже был доминантным, играл “хозяина”, – подумал Оскар. – А вне постели настоящим “хозяином”, вне всякого сомнения, был “шофер”. Мастэр... Профессиональный садист Марк Хатт был садистом только на сцене и на сцене постели...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.